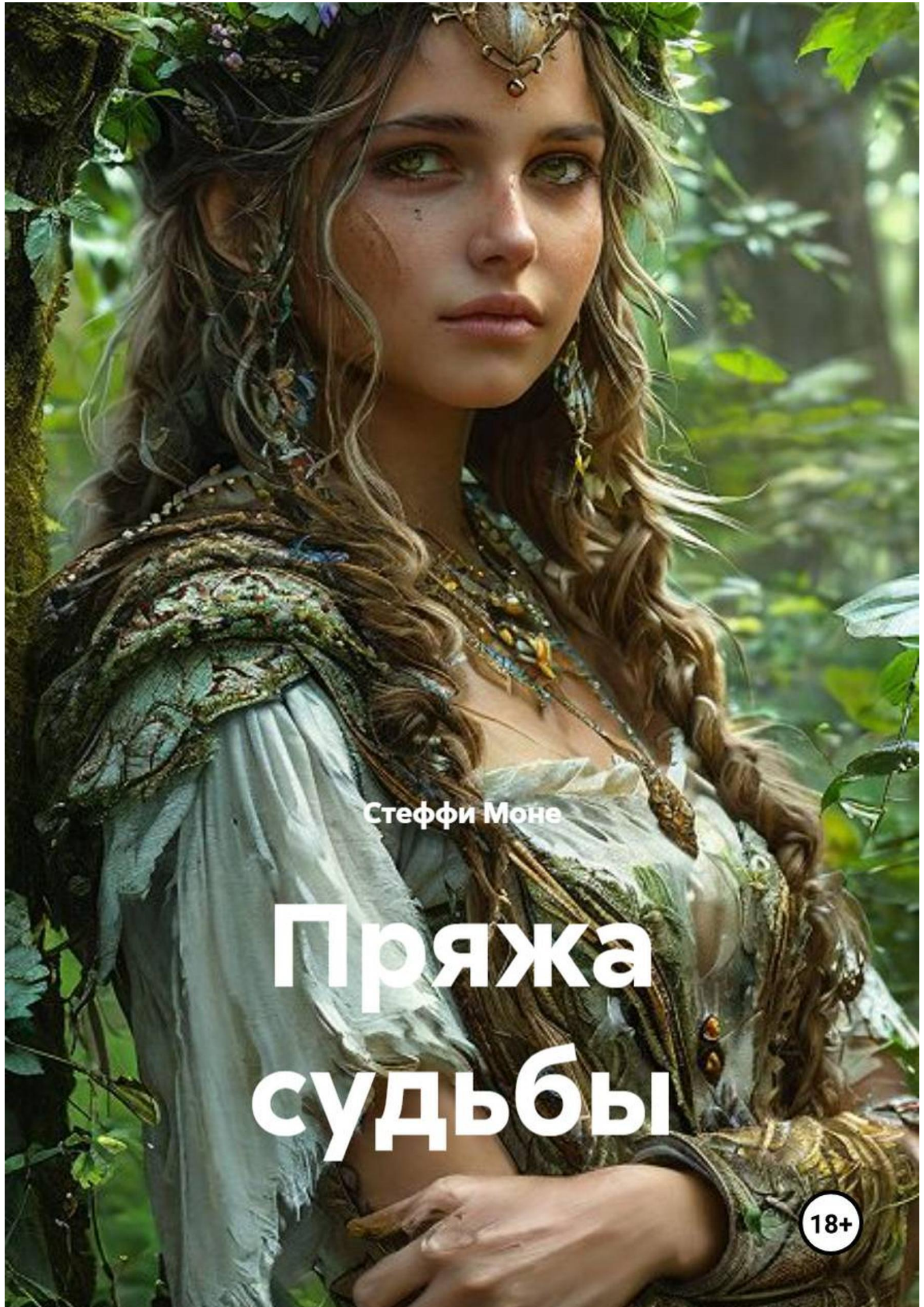

A woman with long, wavy brown hair is shown from the chest up, standing in a lush green forest. She wears a headband made of green vines and leaves, with a small gold-colored pendant hanging from the center. Her eyes are a striking green. She has a small, dark mark on her right cheek. She is wearing a light blue, off-the-shoulder dress with a white lace collar. Over her shoulders, she wears a thick, textured cloak made of moss and leaves. Her right hand is visible, resting on her hip, and she wears a dark, textured bracelet on her wrist. The background is a dense forest with green foliage and a tree trunk on the left.

Стеффи Моне

Пряжа судьбы

18+

Стеффи Моне
Пряжа судьбы

«Автор»

2026

Моне С.

Пряжа судьбы / С. Моне — «Автор», 2026

Таинственная история побега Купавы ,дочери богини леса, в мир людей. Что принесет ей встреча с братьями? Сможет ли она отказаться от мира духов навсегда? Жизнь и сказка переплелись в судьбах людей , и получилась история с героями и славянскими духами, где любовь, ненависть, ревность и предательство борются в сердцах.

© Моне С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Стеффи Моне

Пряжа судьбы

Глава

*

Сумерки спускались на славянское селище, укутывая плетни и срубы густой синевой, а над рекой уже стелился белёсый туман — верный знак, что духи вод пробуждаются и бродят по берегам, прислушиваясь к людским страхам. За тыном догорал долгий летний день, и воздух, ещё тёплый от дневного жара, понемногу остывал, отдавая запах свежескошенной травы, дымка от печей и горьковатого запаха полыни.

У маленького костра, сложенного из сухих берёзовых веток, тесно сбились ребяташки — кто на еловой шапке, кто прямо на мягкой траве, подстелив отцовский козух. Их глаза, широко распахнутые в наступающей темноте, ловили каждый отблеск яркого пламени: казалось, в этих пляшущих искрах прячутся лесные духи и домовые, готовые выскочить и закружиться в веселом хороводе. Старшие дети прижимали к себе младших, чтобы те не вздрагивали от каждого ночного шороха — ведь в эту пору, когда день уступает место ночи, граница между мирами становится тоньше, и всякое слово звучит громче, а всякая сказка — правдивее.

Рядом, опершись на резной посох из корявой рябины, сидела смешная юродивая сказительница — её знали во всех окрестных деревнях.

Говорили, что подобрали Веду ещё ребёнком в дремучем лесу, отбили у стаи волков. Так и поселилась она в небольшой избушке на окраине леса. Вечно скиталась по лесам и полям, разговаривала с ветром и птицами, а однажды целую ночь просидела на камне у лесного озера, слушая шёпот предков, разговаривая с ветром. Одежды её были залатаны и выпцвели от дождей и солнца, но в глазах светился тот особый, нездешний свет — свет человека, знавшего больше, чем дозволено обычным смертным. На шее у неё висели простые обереги: медвежий клык, кусочек янтаря и медное колечко, скрученное в спираль — знак солнца, которому поклонялись ещё пращуры.

Странница тихо покачивалась в такт своим мыслям, а дети, затаив дыхание, ждали. В селище уже разошлись по избам: женщины пряли при свете лучин, мужчины проверяли запоры на воротах, помня, что в сумерках по дворам ходит полуночник, пугая нерасторопных. Но здесь, у костра, время будто замирало.

— Веда, расскажи про Купавушку, — прошептал самый смелый мальчик, теребя край рубахи.

— Да, про ту, которая ходит медведем по лесам и знает все тропы, — подхватила девочка с косичками, крепче прижимаясь к брату.

Странница улыбнулась, и её улыбка была не от мира сего — будто она видела не детей, а тени давно ушедших предков. Она подняла посох и слегка коснулась им углей — те вспыхнули ярче, отозвавшись на древний зов.

— Слушайте, ребяташки... Было это во времена, когда боги ещё ходили босиком по земле рядом с людьми, когда леса были старше гор, а реки помнили имена всех, кто когда-либо пил их воду...

И она начала свой рассказ — не просто сказку, а предание, в котором переплелись вера в силы природы, уважение к предкам и отголоски реальных обычаев древних славян: почитание Велеса как покровителя скота и магии, вера в тонкую грань между мирами в переходные часы суток, использование оберегов и сакральное значение огня, который не только грел, но и защищал от нечисти.

Пламя трепетало, отбрасывая длинные тени, и казалось, что вместе с детьми у костра сидят и духи леса, чтобы тоже послушать эту древнюю историю.

«В далёкие стародавние времена, когда леса были густы, а деревья закрывали кронами небо, реки пели свои тягучие песни голосами нежных русалок, а звезды слагали свои истории и запускали их по млечному пути в вечность, жила в заповедной стороне, скрытой от людских глаз за семью холмами и семью туманами, принцесса Купавушка, дочь самой Матушки Природы. Она берегла мир и покой Земли, и всё живое преклонялось перед наследницей трона, только мир духов не имеет плоть, лишь в ночь, когда луна стояла в зените, а звёзды, казалось, касались верхушек деревьев, Матушка-Природа собрала в свои ладони росу с лепестков диких трав, смешала её с дыханием ветра, теплом солнечных лучей и шёпотом древних дубов. И из этой живой, трепетной смеси рождалась дочка — Купава.

Глаза её были цвета утреннего неба, волосы струились, как золотистые нити лунного света, а кожа хранила прохладу родниковой воды. Лесные звери сбегались к ней, чтобы коснуться её руки, птицы умолкали, лишь бы послушать её тихий смех, а цветы раскрывали лепестки навстречу её шагу. Сама Природа рассказывала Купаве тайны, скрытые от людских ушей: как шепчутся травы перед грозой, о чём тоскует старый дуб и куда улетают журавли, когда небо становится серым. Купава была частью этого мира — его нежным, живым дыханием.

Лишь в день Ивана Купалы, когда закат окрашивал небо в багряные тона, Купава могла сохранить свое тело, навсегда покинув мир духов Древнего Леса. Словно струна, натянутая между землёй и небом, и в душе принцессы дрожала тоска, надежда, жажда свободы и чего-то неведомого. Так и росла Купава год за годом в любви и заботе, в вечной волшебной сказке. Часто, сидя на берегу серебряного ручья, она слушала рассказы старого филина о мире людей: о том, как они поют песни у костров, как смеются и плачут, как любят и прощают. И чем больше слушала Купава, тем сильнее билось её сердце. Душа молодой красавицы томилась и трепетала, рождая желание увидеть этот мир своими глазами.

Матушка Природа видела тоску дочери и предостерегала её:

— В мире людей жизнь иная. Там радость соседствует с болью, а любовь бывает горькой. Ты, дитя моё, рождена из самой сути природы — чистой, свободной, вечной. Людской мир может ранить твоё сердце.

Любопытство, сдерживаемое матерью прежде, зашевелилось в груди красавицы пуще прежнего. Купава подошла к самой границе леса — туда, где тени становились короче, а запах дыма от людских костров смешивался с ароматом хвои. И тогда она поняла: её сердце больше не может ждать, в этом году она скроется в мире людей, где жизнь горит ярко, как костёр в тёмную ночь.

Не сказав ни слова даже Ветру, что столько раз шептал ей сказки, Купава шагнула вперёд — сквозь завесу листвы, прочь от объятий Матушки Природы, навстречу неизведанному пути...»

Мужской хриплый смех испугал детишек. Из зарослей орешника вышел молодой охотник Радомир.

- Ай да сказками ты, мастерица, детям голову забивать.

Веда вздрогнула от знакомого голоса и поёжилась, словно от холодного ветра, и посмотрела на своего мучителя. Охотник был статен и могуч — косая сажень в плечах, руки крепкие, словно выкованные из железа. Высокий, широкоплечий, с гордой посадкой головы — он сразу притягивал взгляды. Его русые волосы были собраны сзади в тугую косу, лишь несколько прядей свободно падали на лоб. Лицо — будто высеченное из светлого камня: чёткие скулы, прямой взгляд, лёгкая тень бороды. В движениях — ни суеты, ни лишней резкости: только уверенность и точность. На поясе — нож в резных ножнах, на плече — лук, за спиной — тугой лук и колчан, да полный короб дичи.

Веда еще раз вздрогнула от вида крови. Радомир всегда двигался бесшумно, читал следы, как книгу, и никогда не возвращался без добычи. Для девушек в селении он был воплощением «красного молодца»: и статен, и смел, и правильный до мозга костей. Для старейшин — надёжной опорой и лучшим следопытом. Только для Веды он оставался вечным гонителем и насмешником. Именно Радомир тогда нашел ее умирающую в лесу, приволок в избу, бросил у печи.

А Когда Веда пришла в себя и посмотрела на него -охотник отшатнулся.

- Знать ведьма, глазищи зелёные огромные так и въедаются в душу. Убил бы гадину.ТЬфу, нечисть.

Только потом Веда узнала, что решило её участие – предсказание волхвов. Брат его старший был смертельно болен, не вставал с кровати много лет, так и лежал бы овощем, пока не подсказали мудрые люди у волхвов совета исросить. Узнали, что спасти брата и вытащить из мира духов, сможет, лишь «лесная потеряшка».

Радомир еще , когда услышал предсказание – понял, что смерть брата близка, потому как случиться такому трудно. Да только предсказание сбылось: в тот же день нашел он лесную потерю. Отогрел, отмыл девку.

Можно ли было ее бабой назвать? Ни спереди, ни сзади, словно травинка лесная с горящими глазами. Сначала Веда пробовала кусаться и убегать, да от охотника не скроешься. Так и обжегил он ее с чуркой недвижимой, своим братом Лелем.

Стала жить Веда в избушке у леса. Сначала даже смотреть на Леля не хотела, а потом привыкла, приняла свою долю, да и как ее не принять, когда Радомир, словно тень, так за ней следил постоянно. Разве реденько сбежит к детишкам поиграться, да сказки свои пересказать, ведь и самой ей было годков не много, совсем птичка-невеличка, чумазое личико.

Веда вскочила и попыталась улизнуть в лес, но Радомир ловко схватил ее за шиворот рубахи.

- Опять мужскую рубаху напялила. Вот и выросла, а ума не вынесла. Так и будешь вечно лесной юродивой числиться. Когда мне брата вылечишь? Я тебя третий год кормлю, ведьманку!

Радомир тащил ее к дому, ногой выбил дверь и потрянул хорошенько непослушную сказительницу.

Веда попыталась его укусить за руку, но только получила по губам и заплакала, завывала протяжно:

"Ой, славяне-ведуны,
Силой древних чар полны!
Пусть горит огонь в груди —
Мир от тьмы убереги!
Ой, славяне-ведуны —
Дух земли и дух луны!
Сквозь века и сквозь года
Не померкнет никогда!"

В это самое время Лель застонал и заохал за печкой. Радомир бросил Веду в угол и, не разбирая дороги, ринулся к брату. Зажег лучину, обтер влажной холстинкой лицо и рот Леля, положил ему голову на грудь, прислушался к стуку сердца.

Знать правы волхвы, есть толк от этой ведьмы.

- С этого дня будешь с ним в одной кровати спать, согревать своими сказками, тело-то твое тьфу. Уж выросла, хватит краюшки даром грызть.

Вышел вон, хлопнув со всей силы дверью.

Веда тихонечко подползла к кровати Леля, взглянула на его бескровное синеватое лицо. В чем только жизнь держится? Сначала ей не то, что смотреть, жить с ним рядом было страшно, словно мертвяк за печкой лежит, а теперь пообвыклась, даже разговаривать с ним стала. Рас-

сказывала о своей жизни, жаловалась на жестокость людей, говорила, о чем нашептывали ей деревья.

А теперь и спать вместе заставляют. Дак попробуй не послушайся, Радомир и прибить может, как птиц небесных.

Веда вспомнила, как первое время, воровала у охотника убитых зверюшек и возвращала их к жизни, да только проклятый Радомир что-то заподозрил и спровадил ее к жить к мужу, хоть ей тогда и десяти лет не было.

Перед глазами всплыл ужас первой брачной ночи с Лелем.

Свадебный пир в избе жениха затих, только никто не радовался, все сидели словно при покойнике. За окнами сгущалась тьма, и даже самые стойкие гости, до этого горланившие срамнищские песни, начали расходиться. Но прежде, чем оставить молодых наедине, родня должна была исполнить древний порядок.

Опочивальню устроили в подклете — холодном, низком помещении под жилой частью дома. Здесь, вдали от сквозняков и чужих глаз, готовили брачное ложе. Постельницы — опытные женщины из родни жениха — стелили перины и простыни из приданого невесты, клали под матрас ржаные снопы и поленья: чтобы род был крепким, а детей было много. По углам раскладывали ветви можжевельника и клали кочергу — от нечистой силы, что могла явиться в самую уязвимую минуту.

Веда, юная и бледная, стояла у порога, закутанная в свадебный наряд. Её косы расплели, волосы свободно легли на плечи — знак того, что она теперь не девица, а жена. В глазах её читался страх, но не перед мужем-чурочкой, а перед всем этим чужим, шумным людом, перед тяжестью нового статуса.

Жениха внес брат и положил на брачное ложе. Лель был красив и ужасен, лицо его казалось увядшим цветком от долгой болезни с темными глубокими кругами под глазами. Жених спал вечным сном. Раны его промыли, перевязали, но жизнь так и не желала возвращаться в его тело. Гости, и без того невеселые, теперь совсем притихли: брачная ночь — всегда испытание, а тут ещё девка мелкая да жених-мертвяк.

Проводы молодых превратились не в потеху, а в почтительный ритуал. Радомир трижды ударил кнутом по ложу — чтобы выгнать злых духов, словно случайно задев девку(для остраски). Посмотрел злобно на неё исподлобья и отошел. Женщины шептали обережные слова, крестили углы. Молодым подали курицу и хлеб — на плодovitость и достаток.

И вышли гости, оставив Веду одну одинёшеньки у постели жениха. У печки тяжелыми шагами мерил избушку Радомир, коли откажется -прибить не жалко: им спасена - им и убита будет. Дрожащими руками сняла Веда с мужа сапоги — знак покорности и готовности служить. Потом она опустилась на колени и тихо спросила позволения не ложиться рядом. Радомир, собрав последние силы, пихнул ее на брата, злобно зыркнув из-под густых бровей.

Когда дверь наконец закрыли, в подклете повисла тишина, нарушаемая только треском лучины. Веда осторожно присела на край постели. Она не знала, чего ждать: ей ничего не рассказывали, о том, что делать этой ночью. Но сейчас перед ней был не грозный муж, а упелёнанная кукла. Её плечи вздрагивали от каждого шороха. Страшно было — вдруг он умрет совсем, полностью, тогда Радомир с неё шкуру спустит.

Она попытался улыбнуться мужу, но улыбка вышла кривой.

— Прости, — прошептал Веда, глядя в темноту, будто стыдясь своих страхов. — Я хотела бы помочь, но ты не птичка и не зверушка-силы моей теперь не хватит.

Живой труп ничего не ответил, а невеста отодвинулась на край ложа, свернулась калачиком и заснула.

Утром проснулась с пением первых птиц, накрыла плечи Леля своим платком, подложила деревянную чурку под его голову, чтобы ему было легче дышать. И в этой тишине, среди обоегов и ржанных снопов, их первая ночь стала не обрядом свершения, а обрядом заботы.

А потом бежала в лес, неслась со всех ног, в надежде скрыться от Радомира, да ничего не получилось. Поймали, за волосы притащили, к кровати мужа бросили. Так и зажила Веда с тех под строгим приглядом Радомира.

Запертая в избушке девушка шептала Лелю сказки, кои помнила с детства, чтобы не было скучно. А он, слушая её голос, пока не проваливался в тяжёлый, но уже не такой мучительный и мертвый сон. Дух его постепенно оживал, возвращаемый к жизни маленькой ведуньей.

Сейчас в избе повисла мертвая тишина. Веда тихонечко опустилась на край кровати, не решаясь коснуться Леля. Тонкая ткань ее рубашки казалась нелепой в этой комнате, пропахшей травами и кровью. Веда провела рукой по груди Леля, здесь темнело пятно — след стрелы, когда-то пущенной из леса врагами. Много лет назад он, говорят, сражался с врагами, да стрела настигла его грудь, проскочив рядом с сердцем, не разрешая ему жить или умереть. Так и мыкался Лель с тех пор между небом и землей -недвижимый, еще и кровью харкающий.

Вдруг тело мужа дернулось, и он еле слышно прошептал:

— Не смотри так, Веда.

Она схватила его руку, холодную, почти безжизненную, и прижала к своей щеке.

— Так ты ожил, — прошептала она, и голос её дрожал. — Ты вернулся?

Лель слабо улыбнулся, и эта улыбка обожгла её сильнее холодного ветра. В ней было столько нежности, столько сожаления, что Веда почувствовала, как внутри что-то ломается и тут же срастается заново.

— Я не хочу, чтобы ты запомнила нашу ночь так, — хрипел он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Хочу, чтобы ты знала, как я слушаю тебя днем, люблюсь ночами, и , глядя на тебя, бьется где-то в горле мое сердце! Спасибо, Веда! Спасибо, что ты рядом.

Веда слушала Леля, поглаживая его тонкие пальцы, согревая их в своих ладонях, и чувствовала, как страх отступает. Его слова были крепче любых клятв, теплее любого одеяла. Они сплетались вокруг них невидимым коконом, защищая от холода, тьмы и даже Радомира.

Когда силы почти оставили его, он вдруг прошептал, так слабо, что она едва почувствовала движение воздуха.

— Останься со мной. Просто будь рядом. Этого пока хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.